

М. В. Филёв

О МОТИВАЦИИ ТРУДА КОЛХОЗНИКОВ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СТАЛИНИЗМА (1946–1956)

Поступила в редакцию 19.02.2021 г.

Рецензия от 10.08.2021 г.

72

На основе неопубликованных архивных материалов (протоколов общих колхозных собраний, заседаний правления колхоза, партийных собраний) изучаются причины отсутствия мотивации и низкой производительности общественного труда колхозников. Исследование сельской повседневности выполнено в рамках микроисторического подхода на примере колхоза «Большевик» Правдинского района Калининградской области (1946–1956). Рассмотрены вопросы организации, учета и стимулирования колхозного труда, взаимоотношения между правлением, бригадиром и рядовыми колхозниками, проблема соблюдения трудового регламента и дисциплины, причины и способы уклонения крестьян от работы в сельхозартеле. Сделан вывод о неэффективности функционирования колхозной системы, вынуждавшей крестьян прибегать к таким стратегиям выживания, которые предусматривали поиск дополнительных заработков и получение средств к существованию за пределами коллективного хозяйства.

Having analyzed the unpublished archival materials (minutes of general collective farm meetings, meetings of the collective farm board, meetings of members of the Communist Party), the article examines the reasons for the lack of motivation and low productivity of peasant labor in the collective farms. The study of rural everyday life is carried out within the framework of a micro-historical approach on the example of the collective farm "Bolshevik" of the Pravdinsky district of the Kaliningrad region in 1946–1956. The issues of management, accounting and promotion of collective farm labor, the relationship between the board, foremen and ordinary collective farmers, the problem of compliance with labor regulations and discipline, the reasons and ways of avoiding farmers from working in agricultural artel are in the focus of the research. The collective farm system is concluded to be inefficient as it forced the peasants to resort to such survival strategies, which provided for the search for additional earnings and obtaining means of subsistence outside the collective farm.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Калининградская область, колхоз, микроистория, история повседневности, 1946–1956 гг.

Keywords: agriculture, the Kaliningrad region, collective farm, microhistory, history of everyday life, 1946–1956

Если выделить главную тему в повестке дня колхозных собраний в последние годы сталинизма, то можно с уверенностью сказать, что это были вопросы трудовой дисциплины, вернее, ее отсутствия. По сути, речь шла о факторах, определявших пороки колхозной системы, ее экономическую неэффективность.

Цель настоящей статьи — выявить причины низкой производительности труда и отсутствия у колхозников мотивации к общественному труду. Исследование выполнено в русле микроисторического подхода на основе комплексного изучения архивных фондов колхоза «Большевик» Правдинского района Калининградской области и является частью более общей работы, посвященной истории этого колхоза с момента его образования в 1946 г. и до ликвидации в 1991 г. Микроистория имеет целью обогатить социальный анализ, предложить большее многообразие его вариантов [19]. Применение микроисторического подхода открывает возможность проникнуть в ранее неисследованные области социальной истории [15, с. 195]. Данное направление исторической науки, объектом исследования которого становятся отдельные малые территории или общности, наиболее перспективно для изучения сельской советской повседневности.

К сожалению, микроистория не снискала особой популярности среди российских аграрников, а в региональной историографии она представлена только статьей Ю. В. Костяшова, посвященной совхозу «Чистые Пруды» [10], хотя в целом по истории сельского хозяйства Калининградской области в последние годы появилось немало содержательных работ [2; 6; 8; 12; 14; 18].

Настоящая статья относится также к истории сельской повседневности. За последние 15 лет по этой тематике было защищено несколько диссертаций на материале разных регионов [7; 9; 16; 20], однако их авторы зачастую опираются на традиционные источники и обращаются к таким привычным аспектам сельской жизни, как демографические процессы или государственная политика в аграрной сфере, оставляя без внимания мотивы социальной деятельности, модели поведения и жизненные стратегии крестьянства.

Объектом исследования выступает сельхозартель «Большевик», основанная в октябре 1946 г. в составе поселков Поречье, Лукино и хутора Раздольное. Этот типичный для края колхоз был выбран в связи с наличием солидной источниковой базы: документация в «Большевике» велась исправно и сохранилась в фондах Государственного архива Калининградской области практически в полном объеме. Основными источниками для исследования стали протоколы общих собраний колхозников, заседаний правления колхоза, собраний первичной партийной организации [3; 5]. Также были использованы годовые отчеты колхоза [5, д. 21], документы из фондов райкома партии, райисполкома, сельхозотдела [4], материалы районной газеты «Колхозная правда» [13].

«Колхоз не развивается в связи с плохой организацией труда...»

В основу организации коллективного труда был положен бригадный подход: с самого начала в колхозе было образовано три полеводческих бригады, которые делились на звенья. Позже были созданы строительная и садово-огородная бригады [5, д. 20, л. 3 об.]. Бригады назначались правлением из числа наиболее опытных и подготовленных работников на срок не менее двух лет [1], но в реальности меня-

лись гораздо чаще. Будучи промежуточным звеном между правлением и рядовыми колхозниками, бригадиры находились между двух огней: за очередной провальный сев или уборочную они получали взыскания от правления, а рядовые колхозники были недовольны их попытками принуждения к интенсивному труду. В определенный момент «Большевик» дошел до того, что никто не хотел занимать бригадирскую должность на только что организованном сортоиспытательном участке, а главы полеводческих бригад написали заявления об увольнении в самый разгар полевых работ [5, д. 9, л. 13, 54 об.].

Одновременно с полевыми бригадами начала функционировать и молочно-товарная ферма (МТФ). Изначально колхоз позиционировал себя как зерноводческо-животноводческий, но с течением времени животноводство стало превалировать. Должность заведующего фермой была неблагодарной: колхоз постоянно испытывал трудности с кормами и помещениями для животных, но при этом правление требовало достижения высоких плановых показателей.

Несоответствие имевшихся условий и требований руководства отчетливо продемонстрировал спор на одном из заседаний правления в 1953 г. между «бригадиром от животноводства» Бологуровым и председателем Старовойтовым. Последний требовал поднять продуктивность общественного животноводства, а бригадир резонно отвечал, что этого невозможно достичь «без достаточного количества концентратов» (кормов) [5, д. 20, л. 41–41 об.].

В подобных обстоятельствах ответственные за животноводство часто менялись. Первый руководитель МТФ Яковлев продержался чуть больше года. В ноябре 1947 г. его попытались заменить Боголеповым, но тот категорически отказался [5, д. 1, л. 74 об.]. В дальнейшем заведующие менялись несколько раз в год, что не добавляло колхозному животноводству стабильности.

Помимо бригад в колхозе существовали вспомогательные службы и должности: конторские работники, кузнецы, шоферы, электромонтеры, пожарная дружина. С апреля 1947 г. артель имела договорные отношения с Первой Правдинской машинно-тракторной станцией (МТС) [5, д. 1, л. 42], которая выполняла для колхоза механизированные полевые работы, за что получала 20 % урожая [17, с. 141]. Большие надежды правление возлагало на сформированную при МТС колхозную тракторную бригаду, но состояние техники было таково, что она постоянно простаивала, а механики МТС не оказывали должной помощи в ремонте [8, с. 173–174]. И хотя, судя по протоколам собраний, колхозники считали работу МТС некачественной, в отчетах она признавалась удовлетворительной, и договор на следующий год неизменно продлевался [5, д. 4, л. 17].

Важную роль в колхозном производстве играл кузнец. Правление старалось нанять настоящего мастера своего дела, не брезгуя перемазыванием работников из других хозяйств. Из соседнего колхоза «Новая жизнь» удалось заполучить кузнеца Корха, которому пообещали в месяц 60 кг ячменя и 80 кг картофеля, а также по два литра молока в день

[5, д. 1, л. 85]. Для кузнецов устанавливалось особое расписание: рабочий день длился с 8 утра и до 8 вечера, но включал в себя несколько продолжительных перерывов [5, д. 9, л. 59]. Трудились кузнецы не всегда исправно, по воскресеньям часто «справляли выходной», из-за чего в начале недели их было сложно найти на рабочем месте [Там же, л. 69 об.].

Ценили в колхозе и шофера. Правление не только без лишних колебаний находило средства для покупки запчастей, но стремилось удовлетворять все просьбы водителей об улучшении условий труда. Шофер Курочкин просил у правления и неизменно получал деньги на покупку спецовки, премию за экономию авторезины и подготовку стажера, месячный отпуск [5, д. 17, л. 44–44 об.]. Заработная плата водителей была скромной, но они могли это компенсировать дополнительными доходами от оплаты колхозниками поездок в Калининград. Тот же Курочкин за одну поездку сдал в колхозную кассу 15 рублей, тогда как собрал с пассажиров 120 рублей, которые после возникшего скандала пришлось вернуть [Там же, л. 12]. Порой грузовик приходилось водить даже тем, кто не имел водительского удостоверения. Это выяснилось в отношении шофера Виноградова лишь после того, как он в 1950 г. устроил аварию [5, д. 8, л. 37]. Но и после этого он продолжал управлять транспортным средством еще 8 месяцев, пока сам не написал заявление о том, «что не имеет прав на право ведения машины». Новый шофер был найден лишь еще через несколько месяцев [5, д. 9, л. 25, 38].

Исследуемый период – время электрификации деревни, в связи с чем колхозу пришлось нанимать электромонтера. В очереди сменявшихся на этом посту работников, не отличавшихся высокой квалификацией и добросовестным трудом, несколько дольше других задержался Егор М. Он отметился тем, что «прикарманивал» плату за электричество, пытался дважды получить оплату за один и тот же труд, а также был замечен в том, что в «рабочее время пьянствует и халтурит» и потом развлекает себя тем, что «переключает фазы напряжения, в результате чего у колхозников перегорают лампочки». В конце концов, его пришлось уволить, о чем даже сообщила районная газета [13, 1954, 26 сент.]. Но и спустя годы из-за некачественной проводки в колхозе случались пожары [13, 1958, 15 авг.].

Положение в артели на общем собрании охарактеризовал агроном Бекоев, заявивший, что «колхоз не развивается в связи с плохой организацией труда» [5, д. 9, л. 56]. Не спешили в колхозе и с регламентацией трудовой деятельности. Заведующий фермой Яковлев спустя полгода после основания «Большевика» жаловался, что «нет в колхозе распорядка дня» [5, д. 1, л. 13 об.]. Часы работы варьировались в зависимости от сезона – во время посевной и уборочной трудовой день начинался раньше (в 6–7 утра), заканчивался позже (в 9–10 вечера). В остальное время рабочий день обычно продолжался с 8 до 18, при этом предусматривался длительный обеденный перерыв (2–3 часа). После многочисленных обращений колхозниц, имевших детей, было решено разрешить им выходить на работу на час позже [5, д. 20, л. 49 об.].

Отношение крестьян к общественной собственности, то есть к колхозной технике, инвентарю, скоту и другому имуществу, в источниках часто определялось как «халатное», сопровождавшееся мелкими и крупными хищениями, причем пример часто подавало колхозное начальство. Первый председатель колхоза Суворов был снят, будучи обвиненным в хищении на сумму более 5 тыс. руб. [5, д. 4, л. 34]. Впрочем, его пришлось вскоре на должность вернуть, так как пришедший ему на смену «проходимец И.» в компании с секретарем партячейки Ж. и председателем ревизионной комиссии «пройдохой и жуликом» С. подделывали отчетную документацию и занимались «присвоением молочных продуктов с целью корыстной наживы», а в результате «развалили колхоз», который после этого «не может поправиться» [3, д. 1, л. 30, 62].

О хищениях становилось известно, как правило, в ходе возникавших среди работников конфликтов. В январе 1955 г. заведующий МТФ Филиппчик уличил доярку Надежду Ч. в том, что она «взяла без всякого разрешения комбикорм и забрала его себе». В ходе разбирательств на колхозном собрании выяснилось, что не только Ч., но и другие доярки присваивали с каждого удоя по 3 литра молока, таскали домой силос для своих коров. Однако доярки проявили солидарность и выступили против заведующего, обвинив его в том, что он «не проверяет молоко, и что в молоке как будто имеется вода», «корма расходует не по рациону, из-за чего скот плохой упитанности», «корма непригодные для вскармливания, особенно силос», а «комбикорм был роздан [колхозным] коровам». Заслушав доводы всех фигурантов, руководство «Большевика» решило конфликт не раздувать, предложив оштрафовать одну Ч. на 5 трудодней [5, д. 22, л. 8–9].

Типичными и регулярными случаями хищений были покосы травы на колхозных угодьях и кража уже заготовленного сена для своих нужд, присвоение части урожая, кража приплода скота. Но когда колхозников уличали в этом, они парировали, что берут пример с председателя, бригадиров и членов партии [5, д. 9, л. 4, 6 об., 23, 32, 56 об.; д. 22, л. 22 об.].

В целом организацию трудовой деятельности в колхозе следует признать малоэффективной. Должностные лица (председатели, члены правления, бригадиры) менялись слишком часто, колхозников перемещали из одной бригады в другую, а звенья существовали лишь номинально.

«Наши колхозники расположены к городу больше, чем к колхозу»

Бригадиры колхоза «Большевик» постоянно жаловались, что на работу выходит половина, а то и треть членов артели. Уже в ходе первой уборочной кампании, в ноябре 1946 г., бригадир полеводческой бригады Кудрявцев уведомил правление о том, что из 42 человек на работу выходят только 13 [5, д. 1, л. 27]. В дальнейшем ситуация в лучшую сторону не менялась.

Уклонение от общественного труда не было проявлением лени. Просто колхозники искали способы выживания, ведь оплата работы в колхозе была скудной и не позволяла прокормить семью [11, с. 138–139]. Наиболее популярным выходом из положения являлось отходничество.

Многие члены артели отправлялись в районный центр Правдинск, чтобы устроиться на работу в городе (другие варианты: железная дорога, лесничество, МТС). Для этого нужно было получить согласие правления, с чем часто возникали проблемы. В правлении утверждали, что «наши колхозники расположены к городу больше, чем к колхозу» [5, д. 20, л. 41 об.], и не желали отпускать людей в город, ведь рабочей силы самим катастрофически не хватало. В таком случае крестьяне уходили самовольно. Колхозница Молодцова, после упреков на заседании правления по поводу невыхода на работу, сказала прямо: «Пойду получать деньги в город» [5, д. 4, л. 23]. Поступали так не только рядовые колхозники. Бригадир Бологуров «оставил руководство бригадой и ушел на работу в город» [5, д. 9, л. 49].

Некоторые, чтобы отправиться на заработки на сторону, шли на различные ухищрения. Самым удобным вариантом для легального ухода из колхоза была учеба, на которую правление обычно колхозников отпускало без сопротивления. Однако параллельно или вместо обучения крестьяне обустроивались в городе. Так поступила колхозница Смирнова, которая поступила в зооветтехникум Багратионовска, не стала там обучаться, но и в колхоз не возвращалась [5, д. 4, л. 31 об.]. Мария Ивченко пошла еще дальше: она заявила о своем зачислении в Лесную школу Домновского сельсовета, что оказалось вымыслом — это выяснилось после обращения правления в администрацию школы [5, д. 9, л. 25 об.].

Другой способ выживания в колхозных протоколах именовали спекуляцией. Колхозник Михаил Смирнов объяснил свои прогулы тем, что «его семье было нечего кушать и он хож за картошкой», то есть ездил с женой торговать на базаре в райцентре [5, д. 1, л. 40–41]. На собраниях всплывали и другие факты о «спекуляции» сельхозпродукцией на городском рынке кассира Т., члена ревизионной комиссии К. и даже самого председателя Ф. [5, д. 9, л. 56 об.], а чемпионом в этом промысле можно считать жену секретаря первичной парторганизации Я., о которой было сказано так: «...не заработала ни одного трудодня в колхозе, а торгует на базаре» [3, д. 1, л. 27 об.].

Самовольно ушедших в город пытались вернуть в колхоз. Правление выносило предупреждения, выговоры, штрафовало «отходников» и «уклонистов» на 3–5 трудодней и даже передавало дела в народный суд. Такие санкции оказывались неэффективными: провинившиеся обещали исправиться или вовсе игнорировали подобные воспитательные мероприятия.

В редких случаях принималось решение об исключении из колхоза, которое вступало в силу после одобрения общим собранием. И хотя работать в колхозе крестьяне не хотели, но местом в артели дорожили — это позволяло владеть домом, приусадебным участком в 50 соток, скотом. Таких уклонистов называли «околоколхозниками», которые «ра-

ботают в городе, а правами пользуются колхозника» [5, д. 16, л. 14 об.]. Обычным явлением для них была своеобразная специализация внутри семьи, когда одни ее члены трудились на производстве в городе, а другие — в личном подсобном хозяйстве. «У нас есть много таких семей в колхозе, которые совершенно не участвуют в общественной работе, и много таких семей, у которых работают по одному члену семьи в колхозе, а все остальные работают в городе...», — так председатель Старовойтов характеризовал положение дел в артели на одном из общих собраний [5, д. 20, л. 52].

Самыми жесткими методами борьбы с уклонистами были конфискация или обрезание приусадебного участка. Такая участь постигла Николая Пнюшкова, ушедшего работать в Правдинское лесничество. У него забрали участок, но оставили дом и надворные постройки. Семье колхозницы Гайдашовой, взрослые дети которой трудились в городе, участок сократили с 50 соток до 15. Применяли такую санкцию и к некоторым другим колхозникам, но довольно редко [5, д. 22, л. 18–19 об.]. Бывали и уникальные наказания. Колхознику Ивану Ладонову, который «форменным образом начал бойкотировать общественные мероприятия и выкопку картофеля», не только выписали стандартный штраф в 5 трудодней, но и отключили свет в квартире «до исправления» [5, д. 9, л. 21]. Матрене Филиппчик запретили выпас личного скота на общественных пастбищах [5, д. 17, л. 37 об.].

Особый случай — попытки уклонения от работы женщин-матерей. Детские ясли в «Большевике» функционировали не всегда, что создавало удобный повод для невыхода на работу. Но и когда ясли работали, колхозницы не отдавали туда детей, ссылаясь на разные обстоятельства [5, д. 9, л. 7 об.]. В наказание им списывали по 3–5 трудодней в виде штрафа, что никак не влияло на их дальнейшее поведение [5, д. 20, л. 28 об., 31 об.].

В официальных отчетах указывалось, что в год в среднем на одного трудоспособного в артели «Большевик» вырабатывали 418 трудодней [5, д. 21, л. 3]. В реальности же и законодательно установленный минимум выработки в 120 трудодней из года в год не выполнялся. В июле 1954 г. Калининградский облисполком повысил его до двухсот, а в качестве мер воздействия на уклонистов ввел увеличение норм сдачи сельхозпродуктов государству, повышение подоходного налога, ограничение права использования колхозных лошадей в личном хозяйстве. Общее собрание членов колхоза данные решения всецело одобрило [5, д. 20, л. 19, 54 об.]. Равнодушная реакция крестьян была неслучайной — они понимали, что массово применять крайние меры наказания в виде лишения приусадебного участка или исключения из колхоза правление не станет, ведь и само начальство личные интересы ставило выше общественных.

Справедливости ради надо упомянуть и о моральном поощрении к трудовым свершениям, объявлении благодарностей, помещении портретов передовиков на «Доску почета», принятие социалистических обязательств и т. п. Все эти методы механически применялись, но никакого заметного эффекта не производили.

«На работу выходят поздно, бросают рано, да и на работе стоят»

Если колхозники все-таки выходили на общественные работы, то особого рвения при их выполнении они не демонстрировали. Правление пыталось призвать людей к ударному труду в колхозе, но призывы не подкреплялись личным примером. Например, член правления Мальцева во время сбора урожая ушла с работы на свадьбу [5, д. 9, л. 20]. Михаил Мокроусов упорно отказывался от работы, заявив, что выйдет, только «когда будут работать все» [5, д. 4, л. 30 об.]. Подобной позиции придерживались и многие другие члены артели.

Приоритет личного хозяйства в сравнении с общественным демонстрирует проблема копки колхозного картофеля, который ежегодно оставался не полностью убраным. В связи с этим уполномоченный облисполкома Емельянов упрекал крестьян, что они совсем по-другому, рачительно относятся к урожаю картофеля на личных сотках [5, д. 9, л. 20]. Эти обличения, как и призывы председателя «бросить все и начать копать», положительного эффекта не имели. Более того, колхозное начальство в чем-то даже попустительствовало членам артели. Так, председатель Ивченков «допустил по существу антиколхозную практику», так как вместо выполнения указания районного отдела сельского хозяйства по подъему паров, раздал колхозных лошадей для обработки личных приусадебных участков колхозников [4, д. 4, л. 95].

Вечной проблемой «Большевика» была заготовка кормов, что обычно объяснялось плохими погодными условиями. Но, по словам одного коммуниста, «обеспечить кормами личный скот колхозников никакая погода не помешала» [5, д. 20, л. 58]. Крестьяне нередко использовали колхозный инвентарь, технику и особенно лошадей в личных целях, для обработки собственных участков [5, д. 4, л. 22 об.].

Распространенным явлением был уход с рабочего места. Пастух Федор Ч. утром выводил скот из поселка, после чего оставлял его без присмотра, а сам отправлялся на заработки в Правдинск. Пастуха называли «дезорганизатором» и «разложителем трудовой дисциплины» [5, д. 9, л. 26 об.]. Доглядчица на МТФ Марущик самовольно покинула рабочее место, предварительно напоив цыплят кислым молоком, а доглядчики Астанины ушли и забыли в холод протопить птичник, что привело к гибели сотен цыплят [5, д. 22, л. 20–22].

Любопытно, что самые нерадивые работники часто выступали на собраниях с замечаниями в адрес других колхозников или с разнообразными «рационализаторскими» предложениями. На июльском собрании 1954 г. часто прогуливавшая работу М. Филиппчик обрушилась с критикой на других колхозников, особенно досталось счетоводу В., который «часто бывает в нетрезвом состоянии, неизвестно только, откуда берет деньги»; а Н. Лукьянов, систематически уходивший на заработки в город, предложил «создать транспортную бригаду, которая своевременно должна убирать зерно от комбайна и своевременно отправлять на молотильный ток и сушилку» [5, д. 20, л. 52 об.].

В протоколах собраний то и дело встречаются обвинения в отношении членов артели, которые «встали на путь саботажа», «категорически отказывались выходить на работу» [5, д. 1, л. 35]. Осенью 1947 г. «дезорганизатор» Д., заручившись поддержкой П. и Б., рассказывал односельчанам «о развале колхоза», призывал к «невыходу на работу» и даже «сделал покушение на членов партии, и на правление, и на бригадиров». В результате правление обратилось за помощью к райсовету и райкому партии, чтобы приняли меры к этой группе саботажников [5, д. 1, л. 65 об.]. В такой же антиколхозной агитации была замечена семья С., призывавших отказываться от работы, так как «правление колхоза не дает хлеба». Такие обобщения терпеть было уже невозможно: обоих С. исключили из колхоза и лишили приусадебного участка [5, д. 1, л. 41].

Проблемы с дисциплиной начинались уже при распределении нарядов, которые выдавались бригадирами с опозданием, так как они не имели соответствующих указаний от правления. Для самих бригадиров было нормой приходить на работу к 11 или 12 часам дня [5, д. 1, л. 13, 53 об.]. Бригадир Соколов и вовсе «назначил людей на работу, а сам ушел спать, и в результате... ничего не сделали» [3, д. 1, л. 81].

Как и в случае с нормами выработки, к вопросу о продолжительности трудового дня колхозники относились равнодушно: какой бы она ни была, все равно ее мало кто соблюдал. На собраниях говорилось, что «на работу колхозники выходят вместо 6 часов, принятых общим собранием, в 10–11 часов и уходят с работы в 7–8 вечера» [5, д. 20, л. 52], «на работу выходят поздно, бросают рано, да и на работе стоят» [5, д. 9, л. 67], «народ наш размягчен, что обедает по 3–4 часа» [3, д. 1, л. 77]. Эта критика, впрочем, не приводила к каким-либо переменам.

Не способствовал мотивации к ударному труду и плохой учет выполненных работ. Бригадиров критиковали за то, что «неправильно ведется начисление трудодней, имеются случаи недочисления колхозникам по нормам выработки, имеются жалобы и недовольство колхозников». Иногда такие обвинения заканчивались освобождением от работы, но чаще предупреждением или выговором [5, д. 16, л. 4; д. 17, л. 22–24 об.].

Но и по начисленным трудодням нормы выдачи были очень скудными. Первый председатель «Большевика» Суворов откровенно признался, что «колхоз из своего урожая не видел ни грамма зерна на трудодни, а пользуется лишь ссудами» [5, д. 9, л. 56]. Случались ситуации, когда рассчитывать было вообще нечем. Колхозник Мальцев написал заявление, в котором просил выделить деньги, необходимые ему для ремонта дома, «на мои трудодни за 1953 г.». Правление в просьбе отказало, дав предельно честный ответ: «В кассе колхоза не имеется денег и неоткуда взять для расчетов по трудодням» [5, д. 20, л. 9].

Расчет по трудодням с рядовыми колхозниками производился в последнюю очередь. Это вызывало их недовольство. Колхозник Курочкин был недоволен тем, что бригадир Филиппчик «получил зерно лучше, чем колхозники», из-за чего «пала трудовая дисциплина». Сам Филиппчик в ответ на это заверил, что «трудовая дисциплина пала не из-за меня, а из-за правления колхоза, которое не принимало мер, не обсуж-

дало на правлении». При этом он согласился, что учет трудовой велся плохо [5, д. 16, л. 3–3 об.]. Ситуация с Филиппчиком и Курочкиным продемонстрировала не только неразбериху с трудовыми, но и сложность взаимоотношений в системе «правление – бригадиры – рядовые колхозники», в которой каждый стремился снять с себя ответственность за некачественную работу.

Были и примеры неожиданных вознаграждений для колхозников. Уникальной в этом плане стала осень 1947 г., когда после завершения уборочной кампании в «Большевике» устроили колхозный праздник. Было решено выделить на человека по 500 г пшеничной и 300 г ржаной муки, по 2 кг картофеля, по 200 г свежей рыбы, по 500 г водки и огурцов, остатки сыра и масла [5, д. 1, л. 69]. В дальнейшем подобного уже не случалось, выплату скромных премий или выдачу дополнительных продуктов проводили 2–3 раза в год и приурочивали к большим государственным праздникам.

Подводя итог, следует отметить, что плохая организация колхозного труда, отсутствие ясных критериев оценки и продуманной системы учета трудовых затрат отнюдь не создавали благоприятных условий для производительного труда. Высокая норма эксплуатации колхозов, из которых в рамках государственных поставок изымалась даже часть необходимого продукта, имела своим следствием то, что полученного колхозниками дохода не хватало даже для обеспечения элементарной выживаемости крестьянской семьи. Вот почему выработав установленный государством минимум трудовой, крестьяне прекращали выходить на общественные работы, экономя силы для получения дополнительных заработков, занимаясь отходничеством или переходя на постоянное место жительства в город. Те же, кто не решался на разрыв с колхозом, сосредоточивали свои усилия для работы на личном приусадебном участке.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43039 «Советский народ» на крайнем западе России: теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области (1945–1991)».

Список источников и литературы

1. Аксенов Г. А., Григорьев В. К., Пятницкий П. П. Колхозное право. М., 1950.
2. Баранова Е. В., Маслов В. Н. Штрихи к демографическому портрету сельских переселенцев в Калининградскую область в 1946 году // Балтийский регион – регион сотрудничества, регионы в условиях глобальных изменений / под ред. А. А. Михайловой. Калининград, 2020. Т. 4, ч. 1. С. 311–320.
3. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. П-145. Партийная организация колхоза «Новая жизнь» (быв. «Большевик») Правдинского района. Оп. 1.
4. ГАКО. Ф. Р-308. Управление по гражданским делам Правдинского района Калининградской области. Оп. 1.
5. ГАКО. Ф. Р-1059. Объединенный архивный фонд колхоза «Новая жизнь» (быв. «Большевик») Правдинского района. Оп. 2.

6. Гергель О. В., Полх П. П. Структура производства и управления АПК Калининградской области в исторической эволюции (1945–1993) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. №12. С. 75–82.

7. Григорьев А. В. Труд и повседневный быт сельских жителей в 1946–1965 гг.: на материалах Чувашской АССР : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2008.

8. История сельского хозяйства Калининградской области / отв. ред. А. Л. Гусев, В. Н. Маслов. Калининград, 2006.

9. Ковригина С. В. Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945–1953 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009.

10. Костяшов Ю. В. История одного совхоза: опыт микроисторического исследования // Веков неспешный ход: Проблемы социально-экономической и политической истории России. Калининград, 2018. С. 336–353.

11. Костяшов Ю. В. Калининградские переселенческие колхозы 1946–1953 годов в свете статистики // Актуальные проблемы современной гуманитаристики. Калининград, 2015. С. 132–142.

12. Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области 1946–1953 гг. М., 2015.

13. Колхозная правда. 1951–1958.

14. Манкевич Д. В. Сельское население Калининградской области в условиях послевоенной демографической компенсации и эпидемиологического перехода // Веков неспешный ход: Проблемы социально-экономической и политической истории России. Калининград, 2018. С. 354–363.

15. Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 193–202.

16. Миронов Р. Б. Социальные проблемы колхозного крестьянства Байкальского региона: 1945–1956 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2012.

17. Полх П. П. Колхозы и МТС Калининградской области в послевоенные годы: поиск оптимальной модели взаимоотношений // Калининградские архивы. 2008. Вып. 8. С. 139–149.

18. Полх П. П. Система управления сельским хозяйством в советском государстве на региональном уровне в начале 1960-х гг. и попытки ее реорганизации (на материалах Калининградской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. №5–6. С. 100–107.

19. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 236–261.

20. Хасянов О. Р. Повседневная жизнь советского крестьянства в послевоенное время, 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2017.

Об авторе

Максим Викторович Филёв — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tsvachim03@mail.ru

The author

Maksim V. Filev, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: tsvachim03@mail.ru